Гостевой домик на заднем дворе был тем местом, где Том делал все свои дела и работал. Это навело его на мысль, что это почти как ходить на работу каждый день, поэтому он сохранил его исключительно для этой цели. Второй этаж был превращен в мансарду со встроенными книжными полками из темного клена и командирским столом. Он был дополнен мягкими кожаными креслами и столиками, которые создавали очень зрелую, профессиональную, если не слегка книжную обстановку. На двух стенах были большие окна, которые заливали местность естественным светом и открывали прекрасный вид на пышную листву снаружи. Верхний этаж выходил на нижний. Это означало, что почти половина гостевого дома имела сводчатый потолок. Он казался открытым и воздушным, и Тому нравилось ощущение открытого пространства. Нижний уровень предназначался для своего рода гостиной, но он редко проводил там время. Если он не работал, то предпочитал комфорт главного дома.

Именно на нижнем уровне он решил провести интервью с женщинами, с которыми познакомился по своему объявлению. Он распределил их в течение недели. Распорядок дня остался прежним. Он приветствовал каждую из них у входной двери, провел для них быструю экскурсию по дому, чтобы быть вежливым, а затем повел их в гостевой дом, чтобы показать им свой кабинет, в конце концов начав разговор на нижнем уровне. К тому времени, как они сели, первоначальная неловкость и нервы улеглись, и законность его письма, как и характер встречи, была установлена.

Том гордился своей подготовкой. Он составил список вопросов и тем для обсуждения в ходе собеседования. В течение недели он спрашивал многих женщин, что они знают об этом образе жизни, что они думают об этом, что их заводит или раздражает. Он спросил их мнение о шлепках, плети, коленопреклонении, ошейнике, эмоциональном балете и так далее. Он пришел к нескольким выводам. Во-первых, большинство из этих женщин не знали об истинной природе такого образа жизни. Во-вторых, казалось, существовала настоящая интрига, как будто жизнь в таком ключе была тайной фантазией, которую они держали в тайниках своих умов.

Самым интересным выводом, к которому он пришел, было то пристальное внимание, которое они уделили ему, когда он объяснил свои собственные взгляды. Том никогда не мог понять, что его внезапная одержимость превратилась в страсть, и что его страсть заставила его говорить о подчинении как о самом эротическом и интимном выражении похоти и любви. Наконец-то у него появился шанс высказать свое мнение вслух, и в результате поток слов прозвучал скорее как ода всему сексуальному.

Том даже не подозревал о том, какое влияние он оказывал на них. Полученные в результате комментарии были совершенно одинаковыми. "То, как ты это описываешь, так сексуально", или "Боже мой, меня возбуждает, когда я слышу, как ты это описываешь", или "Почему никто никогда не объяснял это так раньше". Его возбуждало слышать такие вещи, и он изо всех сил старался скрыть эрекцию, которую испытывал, разговаривая с ними. Он продолжал убеждать себя, что это было профессионально; что они просто были честны. Их комментарии касались представления, а не его.

Информация, которую он собрал, была бесценной. Мужчина никогда не сможет по-настоящему написать женский персонаж с той глубиной и сложностью, которых он заслуживал. Он всегда боролся с этим вопросом в своих работах. Несмотря на то, что его издатель и рецензенты успокаивали его, он никогда не верил, что женщины в его книгах были полноценными. Теперь,

однако, он чувствовал себя так, словно сделал еще один шаг дальше. Он встретился с девятнадцатью из двадцати пяти женщин, которых выбрал. Некоторые из них баловались БДСМ. У некоторых из них были встречи с мужчинами, которые считали себя Доминантами, но в конечном счете были заблудшими придурками. Многие женщины просто фантазировали об этом. Для Тома это было бесконечное богатство информации, и он впитывал каждую ее частичку.

Это была двадцатая женщина, которая разрушила его представление о том, что это вообще было связано с исследованиями. Она просто слушала, как он все говорил и говорил об этом образе жизни и о том, что это значит в соответствии с тем, что он читал и видел. Его страсть ясно читалась в каждом произнесенном им слове. Она могла сказать, что, хотя он вел себя как настоящий джентльмен, в его штанах отчетливо виднелись очертания массивной эрекции. Его слова были подобны вибрациям, пронизывающим ее изнутри. Ей хотелось, чтобы он просто замолчал. Ее трусики уже промокли насквозь. Когда она больше не могла сдерживаться, она медленно подалась вперед на своем сиденье, медленно опустилась на колени, посмотрела на него неуверенными глазами и спросила: - Ты бы меня обучил? Я имею в виду, что ты так много знаешь...и...я...ты бы хотел?

Это был даже не столько вопрос, сколько мольба. Она отдавалась ему полностью. Она назвала ему только свое имя, Алексис, и он предположил, что ей было чуть за тридцать. Она выжидающе опустилась перед ним на колени. Ее белая блузка подчеркивала впечатляющий бюст и была аккуратно заправлена в элегантную черную юбку, которая спускалась ниже колен. Ее светлые волосы были идеально уложены, обрамляя мягкие черты лица. Он потерял дар речи, хотя не должен был этого делать. Где-то в глубине души он знал, что мечтает о собственном сабмиссиве. Это было источником страсти, которая текла в его словах. Он был так поглощен своими исследованиями, что почти два месяца не был с женщиной. Вид ее стоящей на коленях что-то всколыхнул в нем. Его эрекция пульсировала по всей длине внутренней поверхности бедра.

Он не мог подобрать нужных слов. Его уверенный голос был заглушен ее распростертой позой. Он наклонился, расстегнул пуговицы на джинсах, схватил свою эрекцию и вытащил ее, позволив ей бесцельно болтаться в воздухе. С громким вздохом она подползла вперед и взяла его в свои маленькие ручки. Они оба знали, что его действия были приглашением, а в ответ ее действия были согласием. Том всегда был хорошо одарен, чуть больше десяти дюймов, толщиной, которую она не могла обхватить пальцами. Он откинулся на спинку стула с похотливыми глазами и наблюдал, как стройная блондинка пожирает его до конца.

Приняв ее предложение пройти обучение, жизнь Тома официально приняла кардинальный поворот. Его фантазии стали реальностью, и с помощью Алексис он нашел свою собственную нишу в мире доминирования и подчинения. Сначала он неуклюже шел, но Том быстро научился и отточил навыки поступать правильно с женщинами в своей жизни. Алексис знала, что его страсть означала, что она никогда не сможет заполучить его единолично, и принимала только то, что он был готов дать. Для него, однако, она отдавалась беспрерывно и безоговорочно. Впервые в жизни она почувствовала себя полноценной с мужчиной.

Его третья книга имела оглушительный успех. С его новой музой, казалось, у него был бесконечный запас творчества, прорывающийся сквозь пальцы и клавиатуру. С помощью Алексис он зарекомендовал себя как властный Доминант, хорошо разбирающийся в этом

образе жизни. О его репутации осторожно шептались в салонах красоты и спа-салонах. Люди знали о нем, но не знали, как с ним связаться. Потребность Тома в секретности и скромности непреднамеренно сделала его человеком, с которым встречались только по ссылкам. Он чувствовал в себе силу, и он не делал различий по возрасту или расе. Все женщины имеют право исследовать свою сексуальность, и он не собирался становиться препятствием для этого самопознания.

Том Болден, случайно или намеренно, достиг впечатляющей жизни. Теперь, почти три года спустя, он стоял на кухне, потягивая свежесваренный кофе, читая заголовки за день, готовясь напечатать несколько страниц до полудня. Алексис уже вернулась, чтобы привести в порядок гостевой дом, который стал его рабочей зоной как для написания романов, так и для обучения сабмиссиву. Было легко понять причину его кривой улыбки и уверенности в его походке. У него было больше чем немного богатства, женщин и успеха. Выходя на залитый солнцем внутренний дворик, чтобы насладиться теплым утренним бризом, он подумал про себя, что теперь его ничто не остановит. Он был доволен.

******

Именно тогда он услышал звонок в дверь. Странно, подумал он. Сегодня утром он не договорился ни о каких встречах. Он прошел обратно через кухню в прихожую и открыл входную дверь. Стоящая перед ним была, пожалуй, единственным, что могло остановить его или, по крайней мере, все усложнить.

- Мой мальчик! Ты не звонишь. Ты не проверяешь свою почту. Похоже, что твоей матери даже не существует, - она кричала, толкая дверь с несколькими чемоданами на буксире. - Ты знаешь, что я пыталась связаться с тобой в течение недели. Недели! Что мне нужно сделать, чтобы получить ответный звонок?

- Черт, мам, что ты здесь делаешь? Тебе не следует появляться без предупреждения.

- Без предупреждения?! - она проревела в ответ в водовороте движений и слов. - Может быть, тебе стоит время от времени проверять свои сообщения, - она фыркнула и бросила свои сумки в кучу в фойе.

Том знал, что она права. Он часто подолгу сидел с отключенным телефоном, чтобы сосредоточиться на работе. Он не мог вспомнить, когда в последний раз проверял свои сообщения, а Алексис справлялась почти со всеми его встречами.

- Папа с тобой? - спросил он, отчаянно пытаясь осмыслить это внезапное вторжение. Он насмешливо уставился, когда ее глаза остекленели, а бодрое самообладание пошатнулось. Навернулись слезы, и она, рыдая, упала в его объятия.

- Мама? Мам, что случилось?

Она шмыгнула носом и попыталась успокоиться. Прочистив горло, она сумела выдавить это тихим шепотом. - Он бросил меня, - она начала безудержно рыдать.

- Он бросил тебя? Когда? - спросил Том, чувствуя себя неловко из-за того, что не перезвонил ей. Он обхватил ее своими сильными руками, притягивая в крепкие объятия. Для него было странно предлагать безопасность женщине, которая обеспечивала ее ему всю его жизнь. Он никогда не видел ее такой уязвимой и потрясенной.

- Шесть дней назад...для... - она шмыгнула носом - ... для какой-то шлюхи-массажистки...я...я имею в виду, насколько банально это...фу — ебаная массажистка! - в ее голосе звучал гнев. Под опустошением скрывался слой отвращения и гнева, которые еще не проявились.

- О, черт, - Том был потрясен. Он, конечно, не предвидел этого. Его родители всегда казались счастливыми. Ему было так же трудно переварить это, но она нуждалась в нем прямо сейчас, поэтому он взял себя в руки и взял командование на себя. - Давай, мам, давай принесем тебе что-нибудь выпить и несколько салфеток, - сказал он, направляя ее в гостиную.

Том очень любил своих родителей. Не смотря на это он всегда был независимым ребенком. Он уехал в восемнадцать лет, чтобы поступить в колледж, и остался в Лос-Анджелесе, чтобы продолжить свою карьеру. Его родители знали основное. Том был писателем. Он никогда не уточнял, что именно написал. Во всяком случае, Том Болден никогда в жизни не был хвастливым человеком. Он не нуждался в признании или поздравлениях, и он знал, что пока он счастлив и самодостаточен, его родители будут довольны.

http://erolate.com/book/237/4600